

ОТДЕЛ ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СВЯЗЕЙ
Московского Патриархата

Митрополит Иларион: Открывать людям Христа – наша главнейшая миссионерская задача

*Интервью председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона итальянской газете **Corriere della sera**.*

– Владыка, в предисловии к своей книге о Ф. М. Достоевском Вы пишете о русском писателе как об апостоле и пророке. По Вашему мнению, в произведениях Достоевского есть что-то особенное, что может помочь сблизиться православным и католикам?

– Думаю, ценность Достоевского для нас, христиан, заключается в том, что в своих произведениях он постоянно пытается привести читателя ко Христу. Приведу пример. Недавно я посещал один из московских университетов. Там было несколько сотен преподавателей и студентов. Я спросил: «Кто из вас читал Достоевского?» Все до одного подняли руки. Тогда я спросил: «А кто из вас читал Евангелие?» Примерно четверть присутствующих подняли руки.

Многие люди в мире узнают о России, о Православии, о русской культуре из произведений Достоевского – он переведен на все языки, на которых есть письменность. Хотел Достоевский этого или нет, но он стал апостолом Христа. О Христе он свидетельствовал даже в советское время, когда в СССР была запрещена религиозная литература. А пророком его можно назвать потому, что он предупреждал о грядущих бедствиях. Он был единственным деятелем культуры, который в социалистической революционной идеологии прозрел ее бесовскую сущность. У нас многие думали, что социализм идет на смену капитализму. А Достоевский показал, что социализм идет на смену христианству. Он показал антихристианскую и бесовскую сущность той идеологии, которая обещала людям счастье без Бога. Он говорил о том, что счастье без Бога построить невозможно, а в лице Иисуса Христа он видел величайший нравственный пример для всего человечества.

В своих романах Достоевский пытался приблизить читателя не просто к пониманию учения Христа, но к пониманию Его личности. И делал он это своим, только ему присущим, способом, создавая образы хриstopодобных героев, таких как князь Мышкин из романа «Идиот», старец Зосима и Алеша из «Братьев Карамазовых», Тихон из «Бесов» и, конечно, Христос из «Великого инквизитора».

– То есть именно такое обращение к личности Христа, к истокам христианства, к эпохе неразделенной Церкви может стать своеобразной платформой объединения православных и католиков?

– Думаю, что самое важное и самое драгоценное, что у нас есть – это Христос. Я всегда подчеркиваю, что самое важное в христианстве – это не учение Христа, а личность Христа. Христос нам оставил не просто учение, не просто сумму каких-то заповедей – Он нам оставил Самого Себя. Он присутствует в Своей Церкви. Он, как мы верим, является Совершителем Евхаристии. Он преподает нам Самого Себя в причастии Тела и Крови Христовых.

Об этом я говорил недавно на евхаристическом конгрессе Католической Церкви в Будапеште. Православные и католики не объединены в Евхаристии, но они едины в понимании Евхаристии. Прежде всего, в понимании того, что в евхаристическом хлебе и вине после освящения мы имеем реальное, а не символическое Тело Христово и Кровь Христову.

– Прошло пять лет с момента исторической встречи Папы Римского и Патриарха Московского и всея Руси в Гаване. Не так давно кардинал Пьетро Паролин, отвечая на вопросы журналистов, заявил о том, что на данный момент нет условий для осуществления визита Папы Франциска в Россию. Что препятствует осуществлению

такого визита или хотя бы организации новой встречи Папы и Патриарха?

– Важно разделять две темы: визит Папы в Россию и встречу Папы и Патриарха. В отношении первой темы я разделяю мнение кардинала Паролина о том, что условия для такого визита в настоящее время отсутствуют. Не думаю, что я должен озвучивать причины, по которым этот визит в настоящее время не представляется возможным, они хорошо известны обеим сторонам. Поэтому в настоящее время такой визит не стоит на повестке дня наших двусторонних отношений.

Но это вовсе не означает, что мы не должны развивать эти отношения. Наоборот, мы их развиваем, и новый импульс им придала Гаванская встреча Папы Франциска и Патриарха Кирилла. Здесь я подхожу к ответу на вопрос, который сейчас задают очень часто: когда будет следующая встреча Папы и Патриарха? Гаванская встреча была анонсирована примерно за неделю до того, как состоялась. Думаю, что и следующая встреча, когда мы ее подготовим, будет анонсирована примерно за неделю. Вряд ли мы будем анонсировать ее за месяц или за несколько месяцев.

– То есть мы можем надеяться, что встреча состоится, и что теоретически она возможна?

– Думаю, встреча состоится. Но, повторяю, мы не будем ее заранее анонсировать. Мы ведь всегда подчеркивали, что для нас важен не сам факт встречи, а ее результаты. Предыдущая встреча, на наш взгляд, была очень результативной.

Хотел отметить несколько аспектов предыдущей встречи, которые для нашей Церкви имеют особое значение. Прежде всего, для нас очень важно, что и Папа, и Патриарх подтвердили свою приверженность защите прав гонимых христиан на Ближнем Востоке и в других регионах, где христиане подвергаются преследованиям. Конечно, и Папа, и Патриарх говорят об этом в своих выступлениях, но очень важно, что они заявили об этом вместе.

Во-вторых, для нас было очень важно, что Папа и Патриарх совместно заявили о том, что уния не является путем к единству. Мы воспринимаем унию отнюдь не как мост между христианским Востоком и Западом, но, наоборот, как препятствие к диалогу. По заявлениям представителей Греко-Католической Церкви в Украине мы очень ясно это видим. И неслучайно украинские греко-католики были очень недовольны состоявшейся встречей Папы и Патриарха, и теми словами, которые прозвучали из их уст.

В совместном заявлении, принятом по итогам встречи Папы Римского Франциска и Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, прозвучал и целый ряд других очень важных тем. И до сих пор

у нас остается большое пространство для работы в том направлении, которое было задано Папой и Патриархом в Гаване.

Но жизнь не стоит на месте. Появляются новые вызовы, которые будут требовать новых встреч и новых совместных заявлений.

– После Гаванской встречи Вы говорили о том, что, хотя богословский диалог имеет свою важность, но в первую очередь важно соработничество по социальным вопросам. Заявление такого же рода сделал и Папа Франциск. Вы только что вернулись с первой части саммита, предваряющего 26 сессию Конференции ООН по изменению климата. По-Вашему мнению, экологическая проблематика могла бы стать одним из таких вопросов, по которым сотрудничество необходимо в первую очередь?

– Безусловно, экологическая проблематика – одна из областей, в которых мы должны наращивать наше сотрудничество. Мы все находимся в одной лодке. У нас один общий дом. Если растают льды и начнется затопление разных территорий, то вода не будет спрашивать, православный ты или католик – утонут и те, и другие. А вместе с ними – и мусульмане, и иудеи, и атеисты. Поэтому проблему изменения климата мы должны обсуждать, невзирая на наше вероисповедное различие.

Кто-то спросит: «Как вы можете здесь что-нибудь изменить?» Мы сами, наверное, изменить не можем. Но мы можем обращаться к политическим лидерам, к лидерам государств с призывом, чтобы их политические решения учитывали грядущую экологическую катастрофу. Может быть, таким способом совместными усилиями мы сможем ее предотвратить.

– В Ватикане скоро откроется Синод епископов. В связи с этим Синодом Папа Франциск, многие кардиналы и епископы говорят о том, что христиане снова оказались в языческом мире, и нам приходится вести себя как апостолам, обращаться фактически к языческой публике. Разделяете ли Вы такое мнение и что можете сказать по этому поводу?

– Думаю, что, с одной стороны, мы живем в эпоху, когда для нашей христианской миссии не возникает практически никаких препятствий, по крайней мере, на тех территориях, которые традиционно принадлежат к христианскому культурному ареалу. Это касается и России, и целого ряда других стран, входивших в Советский Союз.

70 лет мы прожили в ситуации, когда Церковь находилась под фактическим запретом, когда она не могла заниматься ни миссионерской, ни просветительской, ни благотворительной

деятельностью. Но уже более 30 лет мы живем в совершенно иных условиях. Я бы сказал, что условия, в которых мы живем на постсоветском пространстве, во многом уникальны.

От моих коллег из западных стран я постоянно слышу о кризисе призваний, об уменьшении числа верующих. Слышу о том, как закрываются храмы, перепрофилируются в светские заведения или даже продаются под культовые здания иных конфессий. У нас, слава Богу, ничего такого не происходит. Наоборот, мы ежегодно открываем около тысячи новых храмов. За последние 30 лет мы открыли почти тысячу новых монастырей. У нас по-прежнему сотни и тысячи молодых людей изучают богословие.

Но это не значит, что мы настолько преуспели в миссионерском деле, что можем почивать на лаврах. Много сделано, но еще больше сделать предстоит. Например, у нас в России многие люди крещены в православной вере, но очень плохо понимают, что такое православие. Думаю, что в той аудитории, о которой я рассказывал в начале этого интервью, было, наверное, 90 процентов крещеных людей. Но только четверть из них, как оказалось, читали Евангелие. А это значит, что перед нами широкое пространство для просветительской деятельности. Эти люди, о которых я рассказывал, не язычники. Они считают себя православными христианами, но если даже они не читали Евангелие, то это, скорее, православие номинальное, чем реальное.

Сократить разрыв между христианством номинальным и реальным – на сегодня это наша основная задача. Открывать людям Христа, показывать, почему для них важен Христос – наша первейшая и главнейшая миссионерская задача.